

К ВОПРОСУ О РЕНТЕ-НАЛОГЕ в ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

(К вопросу о форме эксплуатации труда на Востоке)

Акад. Н. М. Никольский

Вопрос о существовании в странах древнего Востока ренты-налога, как специфической восточной формы выкачивания прибавочного продукта из непосредственных производителей, методологически стоит вполне ясно и бесспорно, так как по этому вопросу имеется ряд совершенно категорических высказываний Маркса и Энгельса. Еще в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс указывал, что при докапиталистических отношениях основой присвоения прибавочного труда «служит насильственное господство одной части общества над другой, следовательно, прямое рабство, крепостничество или политическое отношение зависимости»¹. Возвращаясь к этому вопросу в III томе «Капитала», Маркс выдвигает еще несколько чрезвычайно важных положений. На стр. 227—228 (8 изд.) Маркс говорит: «При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях, в основе которых лежит обложение данью (поскольку имеется в виду первобытная община), присваивает, а, следовательно, и продает продукты рабовладелец, феодал (взимающее дань государство)»; несколько ниже (стр. 231) последние названы «главными владельцами прибавочного продукта» и «представителями потребляющего богатства». Известное резюмирующее определение в начале раздела «Отрабочная рента» еще раз разъясняет это положение по отношению к эксплуатации восточных общинников: «если не частные земельные собственники, а государство непосредственно (direkt) противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»². И Маркс и Энгельс подчеркивают, что эксплуатация общинников посредством выжимания ренты-налога существовала и в странах древнего Востока. «Ведомство грабежа собственного населения», наряду с «ведомством грабежа других народов», было постоянной составной частью любого восточного государственного аппарата «с незапамятных времен»³. Насилие (т. е. внеэкономическое принуждение) применялось восточными деспотами именно к общинам еще в древнем мире,⁴ и грабительская эксплуатация восточного крестьянина существует неизменно «со времен ассирийского и персидского царства» вплоть до конца XIX в.⁵

¹ Т. III, 4-е изд., стр. 290.

² «Капитал», т. III, 8-е изд., стр. 569—570.

³ Соч., т. IX, стр. 347; т. XXI, стр. 494.

⁴ «Анти-Дюринг», 6-е изд., стр. 272.

⁵ Энгельс в письме 1882 г. к Бернштейну. Соч., т. XXVII, стр. 234.

Отсюда для историков-марксистов возникает задача—показать на основании документального материала конкретные формы эксплуатации общинников, в первую очередь в странах древнего Двуречья¹. Документальный материал с полной определенностью свидетельствует о существовании в Двуречье именно ренты-налога, как «законной» формы «грабежа собственного населения», рядом с «незаконными» формами, вроде невероятного взяточничества, или прямого грабежа².

В своей предшествующей статье об общине в Двуречье³ я уже показал, что касситские кудурру и ассирийские льготные грамоты, освобождающие жалюемых лиц от всяких царских податей и повинностей, тем самым удостоверяют существование ренты-налога в Двуречье в XIV—VII вв. Попутно в той же статье даны указания о существовании ренты-налога в более ранние эпохи. Переходя теперь к специальному рассмотрению вопроса, укажем прежде всего на характерную, весьма дифференцированную номенклатуру, существовавшую в Двуречье для обозначения различных разрядов натуральных и денежных (серебром) повинностей. Уже одно это обстоятельство говорит о той напряженности, которую испытывало трудящееся население при платеже царских и иных сборов. Общее наименование всякого рода платежей, независимо от того, в чью пользу они уплачивались, установилось в эпоху древневавилонского царства, было усвоено ассирийским ведомством «грабежа собственного населения» и сохранилось вплоть до персидского владычества. Это *biltu* (ассир. *biltu*), слово, первоначальное значение которого—«груз», «ноша», например, груз, наложенный на осла, отсюда—«тяжесть», от глагола *abaḥ*, нести⁴. Условно можно передать этот термин по-русски термином «тягло». В ассирийскую эпоху *biltu* встречается иногда в соединении с *māndattu* (*maddattu*, *madattu*), специальным термином для обозначения дани с побежденных и покоренных народов. Термин *mandattu* впервые появляется в хеттских надписях XV в., написанных на аккадском языке, чередуясь здесь с хеттским термином *arkamtaš*. Отсюда можно заключить, что термин *mandattu* в специфическом значении дань установился в Двуречье еще в аккадскую эпоху, т. е. в III тысячелетии. В ассирийских надписях термин *mandattu* в значении дань применяется систематически, начиная с XIV в.⁵; это вполне понятно, ибо «ведомство грабежа чужих народов» в древнем Двуречье достигло своего высшего развития в ассирийской военной державе. Комбинация *mandattu* с *biltu* толкуется ассириологами различно. Одни полагают, что и *mandattu* подводилось под общую

¹ Обложение египетских общин рентой-налогом засвидетельствовано для эпохи нового царства надписью Рехмире, в которой приводятся оклады податей, вносимых целым рядом общинных советов (кенбет); ср. *Versteig.*—Ancient Records of Egypt, т. II, § 717—745. В эпоху среднего и древнего царства собиралась «всякая тягота, насчитываемая в доме царя», или «всё, что дает небо, производит земля и приносит Нил» (ср. *W e i l l*—*Les décrets royaux de l'Ancien Empire Egyptien*, стр. 24, 48, 49; *T u r a e v - B o r o z d i n*—Древний мир, ч. I, 3-е изд. стр. 16). Сбор во все эпохи производился при помощи военной силы, выколачивался палками (ср. *E r m a n*—*Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum*, стр. 128—130, 143; *T u r a e v*—История древнего Востока, 1935, т. I, стр. 321, изд. папир. Анастаси). О ренте-налоге в древнем Израиле—см. *P a n o v i c h*—Очерк истории древнееврейской религии, стр. LV—LVI (моя вступительная статья).

² Следует отметить, что эксплуататорский характер «налогов» в Вавилонии и Ассирии и грандиозное развитие взяточничества признает один из виднейших современных ассириологов, Мейсснер (*M e i s s n e r*—*Babylonien und Assyrien*, т. I, стр. 125, 133—137 и др.).

³ «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 76—78.

⁴ *U n g n a d*—*Babyl. Briefe aus d. Zeit. der Hammurapi-Dynastie.*, стр. 280; *M a r t i n*—*Tribut und Tributeleistungen bei den Assyrern*, стр. 13, прим. 13, стр. 15; выражение *nasī bilti*—обложенный тяглом—в кодексе Хаммураби, § 36, 37, 38.

⁵ Ср. *M a r t i n*—цит. соч., стр. 11—12 (хетты) и стр. 21—22 (ассир.).

категорию *biltu*¹; другие, напротив, считают, что *biltu* никогда не смешивалось с *mandattu* и что здесь дело идет о двух различных сборах². Последнее толкование надо считать правильным. В его пользу говорит прежде всего формулировка *biltu u mandattu*; отсюда дефектная формула *biltu mandattu* должна толковаться в том же смысле д в у х различных сборов. С другой стороны, нельзя считать случайным применение в большинстве случаев только одного термина *mandattu* без *biltu*. Тут очень показательны сообщения призывы Тиглат-Пилесера I. Царей Наири Тиглат-Пилесер помиловал, освободил, взяв клятву в верности, и обложил их только *mandattu*; напротив, на страну Мусри царь наложил *liti* (бичи), *biltu* и *mandattu* и на страну Кумани—*biltu* и *mandattu*³. Из этих сопоставлений совершенно ясно, что *mandattu* и *biltu* не могут быть отождествлены и что к покоренным народам ассирийские цари применяли различный режим: либо требовали только *mandattu*, дань, оставляя право сбора *biltu* с подданных за подчиненными царями, либо обращали в свою пользу и *biltu*. Эти сопоставления особенно ярко подчеркивают проводимую Марксом и Энгельсом дифференциацию ведомства грабежа чужих народов и ведомства грабежа собственного населения.

Обращаемся теперь к анализу термина *biltu*. Разновидностями последнего являются *bilat matim* (подать с земли), *miksu* (тоже), *igisu* (подать вообще, в особенности в серебре) и *nemettu* (наиболее частый термин для царской подати). Термин *miksu* обозначает, между прочим, плату земледельца, взявшего в обработку (в аренду) чужое поле или сад; в том же смысле применяются также термины *biltu* и *bilat matim*⁴. Термин *nemettu*, происходящий от корня *emedu*—налагать тягло (*emedu* употребляется в ассирийских надписях также о наложении *allu* и *dupšikku* и *mandattu*), является специфическим термином для обозначения всякого рода царских податей в натуре⁵. Кроме этих терминов, надо еще отметить термин *telitu*, который в касситскую и ассирийскую эпохи служил для обозначения специального налога в пользу храмов⁶.

Кроме всех перечисленных терминов, которые условно можно обозначить как качественные категории различных налогов и сборов, имеются термины, обозначающие количественные категории налогов, т. е. указывающие, в каком проценте с дохода тот или другой налог взимается. Эти термины для нас наиболее важны. Традиционная норма, засвидетельствованная уже в сумерийскую эпоху и сохранившаяся вплоть до конца халдейского царства,—это десятина. Она фигурирует в документах эпохи древневавилонского царства и касситской эпохи, в ассирийских и халдейских документах⁷. Но эта норма не была единственной; иногда она повышалась, иногда рядом с ней появлялась другая — повышенная. Повышение нормы

¹ Например, *W i n c k l e r—Altor. Forschungen*, т. I, стр. 30—31.

² *M a r t i n*—цит. соч., стр. 15—17.

³ *Keilinschriftliche Bibliothek*, hrsg. v. Schrader, т. I, стр. 30—33, строки 8—21 (Наири); стр. 34—35, строка 80 (Мусри, ср. стр. 20—21, строка 83); стр. 36—37, стр. 241 (Кумани, ср. стр. 29, строки 90, 94 и др.).

⁴ Такое значение *miksu* обнаруживается из связи его с глаголом *makasu*, специальным термином, обозначающим «платить за поле, взятое в обработку», в документах древневавилонского царства—ср. *S c h o r r*, *Urkunden des altbab. Zivil- und Prozessrechts*, № 126 и др. В литературных пометках *podat* с урожая обозначается иногда термином *hisbu*, см. *M a r t i n*—стр. 18.

⁵ *U n g n a d—Babylonische Briefe*, № 71—74, 82.

⁶ О значении *telitu* см. *M u s s - A r n o l t*, *Ass. Wörterb.*, стр. 1161; документы—*W a s c h o w—Bab. Briefe aus d. Kassitenzeit*, стр. 68—69 и др. В более ранних литературных текстах для обозначения налога в пользу храмов фигурирует термин *irbu*; см. *M a r t i n*—цит. соч., стр. 18.

⁷ *S c h o r r—Urkunden*, № 52, 2 (*ešritum*); *P e i s e r—Urkunden aus d. Zeit d. dritten babylon. Dynastie*, S. 10, № 100 (кассит.); *M e i s n e r—Babylonien und Assyrien*, т. I, стр. 143 (асс. *eširtu*), 130 (халд. *ešru*); *M a r t i n*—стр. 15.

началось еще в сумерийскую эпоху (об этом речь будет итти ниже) и практиковалось также и в позднейшие эпохи. Так, из документов эпохи Хаммураби и его преемников мы узнаем о *gibbatu* (четвертая часть)—25% налоге с хлебного урожая или приплода скота¹. Этот налог собирался, повидимому, и с финиковых садов, с полей кунжута и, надо полагать, также с рыбацких общин, поскольку в числе людей, обложенных царскими повинностями, в фрагментах кодекса Хаммураби, изданных Мейсснером, упоминаются также и рыбаки². Налог *gibbatu* существовал также и в ассирийскую эпоху, также рядом с десятиной³. Наконец, в отдельных документах из поздних эпох встречаются сборы в размере $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ дохода⁴.

Целый ряд данных о взимании царских и иных налогов и сборов показывает, что мы имеем здесь дело именно с рентой-налогом. Сущность ренты-налога заключается в том, что в этом случае в форме налога выкачивается прибавочный продукт с трудящихся в пользу эксплуататоров. Эта сущность обнаруживается прежде всего из самого способа взимания налогов, установившегося со времени Хаммураби. Из распоряжений Хаммураби относительно взимания налогов видно, что собирание царских податей передавалось на откуп дамкарам, которые взимали налоги через специальных агентов⁵. Таким образом рента-налог сделалась одним из источников образования ростовщического капитала. Далее, надо отметить, что известная часть ренты-налога, вероятно, сверх обычных норм, царскими распоряжениями передавалась храмам. Это видно уже из документов царей первой вавилонской династии. При третьем царе этой династии, Забуме, храм Шамаша в Сиппаре, повидимому, взимал в свою пользу десятину и даже спекулировал ею для ростовщических операций. Долговое обязательство некоего Кишушу гласит, что он получил из казны храма «десятину» в размере $\frac{1}{3}$ секеля, для выкупа некоего Аnum-аби, и обязан выплатить долг зерном во время урожая. Происхождение этого обязательства, очевидно, было связано с тем, что Аnum-аби не заплатил десятины храму и подвергся за это задержанию в качестве раба; Кишушу (вероятно, однообщинник) выкупает Аnum-аби, взяв, в свою очередь, для этого ссуду из казны храма⁶. При Хаммураби собирал налог в свою пользу храм бога Китту; налог поступал неаккуратно, так что Хаммураби приходилось делать строгие напоминания о сдаче налога в казну этого храма. Кроме того сам Хаммураби во введении к кодексу говорит, что он «насыпал груды зерна» для бога Ураши, т. е. установил в пользу храма Ураша высокий полог в зерне⁷. Из касситской эпохи есть известие о натуральном налоге в пользу храма в Ниппуре, поступавшего с ряда общин (Бит-син-магир, Битбери и др.), и для храма в Борсиппе⁸. В ассирийской державе в VIII в. существовал обязательный налог в пользу храмов со всего населения Ассирии и Вавилонии, поступавший, правда, очень неаккуратно, так что жрецы жаловались, что «быки и овцы богов спрятаны в стране», и есть начальники (*rabute*), с которыми неплательщики-скотоводы «сговорились», т. е. дали им взятки⁹. Наконец, кроме установления специальных податей в пользу храмов, цари увеличивали доходы храмов путем освобо-

¹ Ungnad—цит. соч., № 56, 61.

² Cp. Meissner—Altbabylonische Gesetze. Beitr. z. Assyriol., III, 4, стр. 495—496.

³ Martin, стр. 15.

⁴ Meissner—Bab. Ass., т. I, стр. 125, 143.

⁵ Ungnad, 17—19. Обычай отдачи сбора податей на откуп сохранился вплоть до персидской эпохи, когда таким откупщиком был Мурашу—Meissner, I, стр. 130.

⁶ Schorr—Urkunden, № 52.

⁷ Ungnad—№ 17. Winkler—Die Gesetze Hammurabis, S. 6—7.

⁸ Waschow—Briefe, стр. 68—69, 69—70.

⁹ Pfeiffer—State Letters of Assyria, № 348—350, 352, 354, 355.

ждения последних от всех царских податей и повинностей. Эти льготы отмечены уже при касситских царях—Агум II (Агумкакриме) дал Мардуку и Сарпанитум свободу (*zakutu*) от податей и повинностей, а также пожаловал участки земли, освобожденные от тягла¹. В Ассирии почти все храмы имели *zakutu*, особенно в VIII—VII вв.² Храмы, получившие *zakutu*, получали тем самым монополию на взимание всяческих сборов с населения храмовых земель и на привлечение последнего к принудительным работам.

Участие светских и военных сановников в доле ренты-налога выражалось прежде всего также в обычае *zakutu*. Льготные грамоты отдельные сановники начинают получать еще в эпоху древневавилонской династии³. Этот обычай, как известно, расширяется в касситскую эпоху и получает особенное развитие в конце ассирийской эпохи⁴. Но, кроме того, бывали случаи, когда в областях выделялись некоторые местности, население которых обязывалось платить специальные сборы в пользу определенных придворных сановников⁵. Затем придворные сановники постоянно получали из налоговых поступлений в царскую казну серебро, одежды, ткани, а иногда и крупные роскошные подарки⁶, не считая того, что придворные сановники кормились за столом царя, т. е. опять-таки за счет ренты-налога. Наконец, областные наместники и их аппарат, конечно, также жили за счет сборов с населения подчиненных им областей. Это видно из касситских кудурру; но несомненно, что такая практика существовала и в предшествующие эпохи. Если прибавить взяточничество и открытый грабеж, который позволяли себе многие областные начальники, изображавшие иной раз местных царьков⁷, то картина «грабежа собственного населения» будет полной.

Маркс говорит, что ведомство для «грабежа собственного населения» существует у восточных правительств Азии с «незапамятных времен»⁸. Поэтому особенно важно проследить существование ренты-налога и применение ее в качестве орудия для выжимания прибавочного продукта в документах III тысячелетия. Документальные данные неопровержимо свидетельствуют о том, что «грабеж собственного населения» существовал в сумерских патесиятах уже в первой половине III тысячелетия и приводил к открытым восстаниям общинников.

В числе документов из архивов хозяйственной отчетности, открытых в Лагаше, Умме, Ниппуре и Уре и происходящих из двух эпох—эпохи 2800—2700 до н. э. и эпохи III династии Ура, и изданных Тьюро-Данженом, Женульяком, М. В. Никольским, Пинчесом, Бартоном и др.⁹, имеется целый ряд документов, свидетельствующих о поступлении натуральных налогов от обложенных этим налогом людей. До настоящего времени документы

¹ Meissner—Bab. Assyr., т. I, стр. 128.

² Там же, стр. 145.

³ Там же, стр. 126, о грамотах Аммисадуги.

⁴ См. мою статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ. 1938, № 4 (5), стр. 83—84.

⁵ Meissner, стр. 135, 144—145—в пользу ассирийского виночерпия и дворецкого.

⁶ Там же, стр. 135—136; ср. в особенности список девяти ассирийских сановников, получивших серебро и одежду из царской казны.

⁷ Там же, стр. 133—135, 137; Pfeiffer—цит. соч., № 353.

⁸ Соч., т. I, стр. 347.

⁹ Thureau-Dangin—Recueil de Tablettes chaldéennes; Genouillac—Tablettes sumériennes archaïques; М. В. Никольский—Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи, 2 тома; Pines—The Amherst Tablets, т. I; Reissner—Tempelurkunden aus Tello (из Берлинского музея); Угма—Sumerian administrative documents (из Ниппура; по инвентарю 23 документа прихода продуктов). Других публикаций я в своем распоряжении не имею. В инвентаре таблесток из Телло (Лагаша), хранящихся в Стамбульском музее, помечены сотни документов, относящихся к приходу натуральных продуктов (Delaporte—Inventaire des tablettes de Tello du Musée Ottoman).

этого рода не подвергались специальному рассмотрению, если не считать нескольких общих замечаний Женульяка, Пинчеса, Легрэна и М. В. Никольского. Не произведено даже точного выделения документов, свидетельствующих о поступлении натуральных налогов, из общей массы документов о поступлении всякого рода доходов и приношений. Между тем, в числе приходных документов имеются весьма разнообразные документы, в том числе о поступлении доходов с полей и садов личного хозяйства патеси и царей и скота из личных стад последних, о поступлении возвращаемых натуральных ссуд¹ и, может быть, также о поступлении платежей, так называемых, арендаторов. Издатели документов попросту не интересовались этой дифференциацией и потому не обратили должного внимания на форму, терминологию различных категорий приходных документов, ограничившись, как сделал, например, М. В. Никольский в I томе, лишь подборкой их по группам продуктов. В результате получилось такое положение, что при переводе и толковании документов издатели нередко расходятся в понимании одних и тех же терминов и выражений. Особенно следует отметить, что имеется ряд очень кратких документов в общей формулировке («принято столько-то такого-то продукта»; имя приемщика, иногда—дата) и ряд других более подробных документов, но неопределенного характера, так что не всегда возможно с точностью определить принадлежность их к той или иной категории. Наконец, следует отметить, что все указанные выше публикации относятся еще к довоенному времени. А с тех пор сумерология сделала значительные успехи, и сейчас необходима проверка перевода и толкования изданных тогда документов с привлечением новых лексикографических и грамматических данных. При таком положении дела мой отбор и анализ сумерских документов о поступлении ренты-налога по необходимости носит в значительной степени ориентировочный характер и никоим образом не исчерпывает всего материала.

При выделении документов о ренте-налоге бесспорным критерием служит наличие в документе точной квалификации данного поступления именно в качестве налога. Идя по этому пути, мы прежде всего встречаем ряд документов о поступлении от «пастухов» и «земледельцев» скота, мелкого и крупного, в качестве «десятины». Все документы этого рода происходят из Лагаша и относятся, примерно, к эпохе Урукагины². В двух документах этой категории имеется кроме десятины еще другой термин, определяющий качественный характер приношения и дающий в наше распоряжение другой бесспорный критерий для выделения документов о ренте-налоге. Именно, в этих документах принятые в качестве десятины мелкий скот и бык отнесены к категории *mašdaria*³; последний термин встречается в целом ряде также других документов о приношении скота, рыбы и льна⁴. Термин *mašdaria* толкуется М. В. Никольским в общем значении «дар, приношение», но Женульяк и Легрэн более точно определяют значение термина в смысле *redévance*, т. е. «обязательство», «оброк», в отличие от «добровольного дара»—*don gratuit*⁵. В подкрепление толкования Женуль-

¹ Документами личного царского хозяйства, бесспорно, являются следующие: Никольский, т. I—№ 36, 38, 86—123 (ср. стр. 9—10), 194, 207, 210, 260—262; Генуильяк—№ 42, 43; Пинчеса—№ 32, 55. Документы о возвращении ссуд, см., например, Никольский, т. II—№ 276, 280; Мурган—№ X, XII и др. Женульяк, Жанно (Jeanneau), Легрэн (Legrain), Langdon и др. издали в автографах ряд документов по скотоводческому хозяйству храма Энлиля в Ниппуре.

² Никольский, т. I, № 182—186, 190, 196 (стр. 36—38)—мелкий скот, № 201, 202 (стр. 38)—ослы, № 217 (стр. 40)—быки.

³ Никольский, т. I—№ 195 и 209 (стр. 38—39).

⁴ Никольский, т. I—№ 173, 181 (стр. 36 и 37); Генуильяк—№ 30, 32; Thiégaudangin—№ 34, 40 (лен), 43, 44.

⁵ Генуильяк р. XXXVII; Legrain—Le temps des rois d'Ur, p. 29, 31; *redévance* обозначает также поземельный налог.

яка и Легрэна следует указать, что *mašdaria* употребляется также в смысле обязательной, положенной жертвы богу; в этом случае приношение исходит непосредственно от приносящих сановников—царицы, жрецов и других¹. Подобно этому, и другой термин той же эпохи, *PI-LUL-da* имеет такое же двойное значение: обязательная служба или работа, вплоть до рабства, и обязательное служение божеству². С *mašdaria* следует сблизить встречающийся в одном документе термин *mašepadda*, который М. В. Никольский переводит «приношение по обету»; на самом деле этот термин также должен обозначать обязательное приношение, так как из текста документа вовсе не следует, чтобы принесенные скот и зерно назначались в жертву богам. Эта терминологическая линия завершается двумя документами из III династии Ура, в которых поступившая от нескольких лиц мука названа термином *sa-dug*—«положенное приношение»³.

Другого рода критерием для выделения документов о ренте-налоге является наличие в документах указаний на агентов по сбору ренты-налога. В числе документов о сдаче *mašdaria* есть документ (Genouillac, № 50) о приеме рыбы от «морских рыболовов». Сопоставление других документов о приеме больших партий рыбы от «морских рыболовов» из публикаций Тюрро-Данжена, Пинчеса, Женульяка и М. В. Никольского показывает, что эти «морские рыболовы» были не плательщиками, а агентами по сбору рыбного налога. Именно, в документах Тюрро-Данжена и Пинчеса из нескольких годов царствования Лугаль-анды и скрепленных печатью одного и того же сановника (дубсара «женского дома»), упоминаются по имени пять одних и тех же «морских рыболовов», периодически доставлявших во дворец крупные партии рыбы⁴. Очевидно, что эти «морские рыболовы» были именно те самые «надсмотрщики», которые, согласно надписи Урукагины, «издревле были при рыбаках», точнее, при приморских рыбацких общинах. Такая же организация существовала и при речных рыбацких общинах, доставлявших рыбу также через специальных «речных рыболовов»⁵. Идя далее по этой линии, мы имеем право отнести к категории документов о сдаче ренты-налога документы о принятии от «пастухов» партий коровьего масла, представленных несколько раз одними и теми же тремя лицами, которые, очевидно, были «надсмотрщиками» при скотоводческих общинах⁶. Сюда же относятся документы о сдаче в качестве *mašdaria* от пастухов и земледельцев зерна и скота через специальных агентов, называемых в эпоху Лугаль-анды-Урукагины *pa* и в эпоху III

¹ Никольский, т. I, № 162, 172, 189 и, вероятно, 176 (стр. 36, 37).

² В значении «обязательная работа, рабство» термин употреблен в известной надписи Урукагины (*T h u r e a u - D a n g i n*—*Les inscriptions de Sumer et d'Akkad*, стр. 80, VII, 26—28); в значении «обязательное служение богу» (*Бау*)—в надписи Гудеа (там же, стр. 120—121, II, 5—8).

³ Никольский, т. I, № 174 (*mašepadda*); т. II, № 334 и 335 (стр. 85) *sa-dug*; ср. Legrain, тот же термин в том же значении (*sa-dug lugal*—царя), стр. 29, 31.

⁴ *P i n c h e s*—табл. I (стр. 4—5); *T h u r e a u - D a n g i n*—№ 31, 32, 34, 36; сопоставление данных Пинчеса и Тюрро-Данжена—см. *P i n c h e s*—стр. 5—6, 8; *Г е н о у и л л а с*—№ 50; Никольский, т. I—№ 265, 268, 272; без имени рыболовов—№ 266. Пять «морских рыболовов» в документах Тюрро-Данжена и Пинчеса—это Несага, Лугаль-шала-туг, Амар-кунуна, Гала-тур и Саг-дибба. В документах М. В. Никольского из них встречаются Несаг (=Несага) и Лугаль-шагаль-туг (=Лугаль-шала-туг); имя последнего в № 272 дошло в дефектном виде. Последний упомянут и в документе Женульяка.

⁵ *T h u r e a u - D a n g i n*—№ 37; Никольский, т. I—№ 275 (булла к корзине с таблетками), *Г е н о у и л л а с*—№ 49 (такая же булла).

⁶ Никольский—т. I, 257, 259 (стр. 42); *Г е н о у и л л а с*—№ 37. Имена агентов—Медиануди, Намдам и Ур-шу-га-ламма.

династии Ура—gir¹. Эти ра и gir состояли, вероятно, также при определенных земледельческих и скотоводческих общинах в качестве сборщиков ренты-налога. М. В. Никольский правильно отмечает, что в документах с термином gir «дело идет о взносах зерна, повидимому, регулярных и обязательных»², главным образом в пользу храмов и правителей.

Весьма важным критерием являются также указания в документах о срочном характере платежей. Так, в нескольких документах о поставке рыбы «морскими рыбаками» имеются указания, что рыба доставлена в качестве повинности за определенные месяцы³. В других документах о поставке зерна и скота от «земледельцев» и «пастухов» через агентов (гир, дамкаров) встречаются такие указания на сроки: «очередной сбор», «первый раз, второй раз», «по повторному приказу», «первый раз, остаток», «недоимка, первый раз, второй раз»⁴. Поставляемое зерно называется при этом «царское зерно», «зерно на содержание патеси». Все подобные документы, несомненно, являются записями поставок в счет ренты-налога. Наконец, последняя, относящаяся к взиманию ренты-налога, категория документов—это документы поступления больших партий зерна «на содержание патеси» из определенных мест, названных термином ki-SU и обозначенных собственными именами. М. В. Никольский, опубликовавший такие документы (из эпохи III династии Ура), переводит термин ki-SU словом «местность»⁵; я полагаю, что здесь, несомненно, перед нами фигурируют земледельческие (территориальные) общины. Возможно, что при дальнейшем исследовании к категории документов, свидетельствующих о ренте-налоге, отойдут также некоторые неопределенные документы о приходе от названных поименно лиц зерна, чеснока, соли, кожи и шерсти⁶.

Как уже указано, в качестве плательщиков в документах выступают непосредственные производители—«пастухи», «рыбаки» и «земледельцы». В качестве получателей в подавляющем большинстве случаев выступают царский дворец, патеси, царицы, жены патеси. Но имеется ряд документов из III династии Ура, свидетельствующих о том, что рента-налог шел в некоторых случаях «богам», т. е. жрецам определенных храмов. В этом отношении особенно интересен один документ, в котором в числе «богов»-получателей значатся, между прочим, три обожествленных царя, Бурсин, Дунги (Шульги) и Гимиль-Син. Далее, кроме sporadических документов, изданных М. В. Никольским, имеется ряд документов о систематическом поступлении регулярных приношений храму Энлила в Ниппуре от царей и патеси, которые, конечно, перекладывали эти платежи на своих подданных. Поступающие «богам» продукты называются обычно sa-dug, т. е. «положенное приношение»⁷. Доля «богов» в ренте-налоге была установлена еще в первой половине III тысячелетия. Так, царь Аккада Маништусу секвестровал доходы Описа, Аксака и некоторых других городов, назва-

¹ Ра—Никольский, т. I, с mašdaria—№ 173—181; без mašdaria—№ 80, 82, 83, 96 (зерно); P i n c h e s—№ 38 (скот); gir—Никольский, т. II, № 262, 266 (зерно); P i n c h e s—№ 18, 19 и др. (зерно). L e g r a i n—цит. соч., стр. 32—33, не дает отчетливой характеристики ра и gir.

² Т. II, стр. 13.

³ Никольский, т. I, № 269 и 272.

⁴ Никольский, т. II—№ 273, 278 (очередной сбор), 271, 279 (первый раз, второй раз, недоимка); P i n c h e s—№ 6 (второй раз), 38 (первый раз, остаток), 50; V a r t o n, Part II—№ 18 («во второй раз», «остаток за прошлый год»).

⁵ Никольский, т. II, № 256, 257, 266, 267, 274.

⁶ Никольский, т. I, № 97, 98, 223, 247; т. II—№ 388; G e n o u i l l a c—№ 30, 32; P i n c h e s—№ 7, 8, 24, 45, 48, 49, 83, 86, 87, 94, 96; M u h r m a n—№ XIV, XIX.

⁷ Никольский, т. II, № 273 (боги-цари), 317, 318, 322, 324—326, 334, 342, 343; L e g r a i n, cit. соч., стр. 29—31 (sa-dug lugal—положенное приношение царя; bal—ежемесячный взнос патеси).

ния которых в надписи не сохранились, и передал эти доходы «богу Шамашу», т. е. храму Шамаша в Сиппаре¹. Во второй половине III тысяч. засвидетельствованы регулярные ежемесячные выдачи из царских запасов продуктов на содержание жрецов десяти храмов, во второй год Бурсина².

Документальные данные также свидетельствуют, что традиционная десятипроцентная норма налога, существовавшая, очевидно, с IV тысячелетия, в начале III тысячелетия стала самым грубым образом нарушаться. В Лагаше патеси Лугаль-анда (около 1800 г.), который, подобно другим патеси, был одновременно верховным жрецом пары главных лагашских божеств, Нингирсу и Бау, нарушил «древние постановления»—повсюду поставил своих надсмотрщиков и обложил общинников Лагаша новыми большими сборами в свою пользу и в пользу жрецов. Последние, не довольствуясь этим, стали попросту грабить население. Они отнимали у крестьян скот, птицу, медные изделия, одежду, из крестьянских садов отбирали лучшие деревья и плоды, установили новые грабительские таксы за погребение. Патеси и его сановники отбирали во дворец шерсть с наиболее дорогих белых овец, а с прочих овец вместо шерсти требовали налог по 5 секелей с головы, ввели пошлины с документов и судебных актов в серебре. Это грабительство, повидимому, привело к восстанию против Лугаль-анды; он был заменен уже упомянутым выше Уруагиной, из другого рода. Уруагина, изобразив в своей надписи угнетение народа Лугаль-андой, заявляет, что он восстановил «древние постановления», запретил отбирать даром скот и продукты и предписал платить серебром за все продукты и скот сверх положенной нормы. Уруагина в надписи также заявляет, что он удалил отовсюду надсмотрщиков и «восстановил свободу»³. Однако эта победа общинников была непрочной, ибо, как мы уже видели, в начале II тысячелетия, наряду с 10% налогом фигурирует еще 25% налог, и сбор налогов отдан на откуп дамкарарам. Из хозяйственных документов эпохи Уруагины видно также, что принудительные работы при нем несколько не сократились. Мы, к сожалению, не знаем, происходили ли в начале III тысячелетия такие же движения в других патесиятах; но нет оснований полагать, что лагашское движение осталось изолированным. Это движение является самым лучшим доказательством существования в Двуречье уже в начале III тысячелетия «грабежа собственного населения» и развертывания на этой почве жестокой классовой борьбы.

Таковы бесспорные данные о существовании ренты-налога в древнем Двуречье, а также о существовании и аппарата для взимания ренты-налога—ведомства грабежа собственного населения».

¹ K i n g—The cruciform monument of Manitušu. «Rev. d'assyriol.» 1912, III, стр. 97.

² Срв. M e i s s n e r—Bab. Ass., т. II, стр. 56.

³ Надпись Уруагины дошла до нас с значительными пробелами; однако данные об ограблении общинников сохранились. См. текст и франц. перевод—Thureau—Dangin. Les inscriptions de Sumer et Akkad. p. 76—77 и след. Русский перевод дан у Т у р а е в а. История древнего Востока, 1935 г., т. I, стр. 80. В «Хрестоматии по древней истории» под ред. В. В. Струве, стр. 39—42, дан новый перевод Деймеля, который попытался восстановить ряд испорченных и утраченных мест.

